

КОНЦЕПЦИЯ ГЕРОИЧЕСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ А. Н. РАДИЩЕВА

В статье рассматривается трактовка героического в творчестве А. Н. Радищева в связи с концептом «твердость», выявляются связи этого концепта с поэтикой Псалтири, его значение в этических взглядах писателя.

Ключевые слова: А. Н. Радищев, концепт, «твердость», «муж твердый», героическое начало.

В языке и стиле А. Н. Радищева, известного русского писателя и просветителя, ярко проявилась органическая связь литературы XVIII в. с религиозно-учительным словом древнерусской литературы. В конце XX – начале XXI в. о соотносительности индивидуального авторского способа языкового выражения образов, топосов, жанровых формул в произведениях Радищева с традициями русской духовной культуры писали С. Н. Травников, В. М. Живов, Е. Д. Кукушкина, Ю. М. Лотман, А. В. Растягаев, О. М. Гончарова.

Ю. М. Лотман в статье «Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция» [1996], рассматривая особенности литературного процесса XVIII – начала XIX в., писал о роли традиционных христианских ценностей в условиях секуляризации культуры и отмечал тенденцию к сакрализации поэтического слова. По мысли исследователя, «в литературной традиции XVIII века прочно сложилось представление о том, что авторитетность поэтического текста, право говорить от лица Истины завоевывается самопожертвованием, личным служением добру и правде, и, в конечном счёте, подвигом» [Там же. С. 257]. В русской культуре представление о неразрывности слова и действия создало определенные модели поведения, которым следовали писатели, стремясь к тому, чтобы их произведения приблизились по степени авторитетности к текстам, созданным в рамках церковной традиции.

Поэма «Песнь историческая», написанная Радищевым в годы сибирской ссылки (1795–1796), представляет собой авторское изложение некоторых событий истории Древнего Мира: выбор персонажей и их характеристика отражают систему ценностных доминант автора. Три раза в тексте «Песни» встречается выражение «муж твердый», обратившее на себя внимание Ю. М. Лотмана: «“Муж твёрд” в текстах Радищева – это обозначение героя, готового подкрепить слова убеждения, жертвуя собственной жизнью – “иествуя смерти во сретение”» [Там же. С. 258]. Образ «мужа тверда» раскрывается, как правило, через описание подвига, личного примера бескорыстия, самопожертвования и служения общественному благу. Таким героем мог быть не только персонаж античной истории, но и современник и друг юности Радищева Ф. В. Ушаков, которого писатель называет своим учителем «по крайней мере в твердости» [Радищев, 1938. С. 155]. В «Житии Федора Ушакова», по мнению Ю. М. Лотмана, Радищев создал образ, который соотносится как с традиционными образами агиографии, так и с античными «мужами твердыми» [Лотман, 2000. С. 22].

В монографии «Национальная традиция и “новая Россия” в литературном сознании второй половины XVIII века» О. М. Гончарова вслед за Ю. М. Лотманом в главе, посвященной Радищеву, рассмотрела образ «мужа тверда» в контексте русской православной литературной традиции. Исследо-

вательница особо подчеркнула связь этого образа с духовными понятиями Слова и Истины: «Главной характеристикой “мужа тверда” оказывается... его способность к Слову и Истине, неведомым другим» [Гончарова, 2004. С. 195].

Обращение к примерам мужества и героизма из «Песни исторической» позволяет не только выделить идею «мужа тверда», но и дает возможность определить черты, отличающие такого человека от других, выяснить, какими свойствами характера он должен обладать, какими деяниями прославить себя. «Твердость» связывается со способностью личности к созидательному слову, а также со способностью подтвердить это слово делом, собственным примером. Бескорыстие, отсутствие таких черт, как властолюбие, гордыня, стремление к богатству, неоднократно подчеркивается автором «Песни исторической». Радищев никогда не характеризует завоевателей, царей и императоров как «мужей твердых». Этого удостоиваются герои – защитники города, страны, пожертвовавшие жизнью, совершившие подвиг во имя отечества, или остановившие завоевателя, а также законодатели (Дракон – «муж твердый, строгий» [Радищев, 1975. С. 84]). Публий Корнелий Сципион, военачальник, остановивший поход Ганнибала на Рим, несправедливо обвинен Сенатом:

Обвинен перед народом,
Добродетельный муж, твердый

[Там же. С. 96].

Его достойное поведение перед лицом завистников имеет для Радищева большее значение, чем его военные победы. Примечательно, что Сципион напоминает о своих заслугах и увлекает народ к Капитолию, «оставляя площадь римску с клеветой, в стыде шипящей» [Там же. С. 97]:

Над врагами Рима скажет
Свои славные победы
И, клевет всех в посрамленье:
– «Народ римский! – он воскликнет. –
... Отдадим хвалу всевышним»

[Там же. С. 96].

Марк Фурий Камилл, военачальник, также получивший в «Песни исторической» характеристику «муж твердый», явился в трудную для Рима минуту и своим словом и действием спас отечество. Несправедливо обвиненный Камилл добровольно отправился в изгнание, но, узнав об осаде Рима галлами, собрал войско в помощь осажденным.

Войско вошло в город в тот момент, когда галлы принимали контрибуцию. Камилл прервал переговоры, заявив, что у римлян искони заведено спасать отечество железом, а не золотом. Началась битва, галлы были разгромлены и изгнаны.

Одно слово, и дух прежний
Возродился в сердце Римлян,
Рим свободен, побеждены
Галлы; зри, что может слово;
Но се слово мужа тверда

[Там же. С. 93].

Именно этот отрывок цитирует в своей работе Ю. М. Лотман [1996. С. 258]. Важно, что слово «мужа тверда», принесшее победу и спасшее жизни и честь римских граждан, сравнивается со словом, которым Всевышний творил мир:

Как то древле слово жизни
Во творении явилось
Было слово се Камилла

[Там же].

В этом и подобных контекстах проявляется в произведениях Радищева связь с традицией возведения слова к божественному источнику. Созидательная роль слова как устроительной, творящей силы, способной создать и укрепить закон, поддерживать добродетель, наставлять граждан, внушать любовь к Отечеству и изобличать несправедливость, подробно раскрыта писателем в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» (1792–1794). Радищев на страницах трактата неоднократно размышляет о роли речи в развитии морально-нравственных представлений человека: «Но едва всесильный речь привитал к языку нашему, едва человек изрек слово единое и образ вещи превратил в звук, звук сделал мыслию <...> очи его зрят ясность, уши слышат благогласие, чувственность вся дрожит, мысль действует, и се уже может он постигать, что истинно, что ложно; дотоле же чужд был и того и другого» [Радищев, 1941. С. 131]. Размышления о значении слова и в «Путешествии из Петербурга в Москву» тесно связаны с представлениями о внутреннем мире человека, о его духовном строе, нравственных установках, и, как правило, встречаются в контекстах, где есть слова «твердый», «твердость» и им подобные.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» не так много глав, в которых не встречается эпитет «твердый», либо однокоренные слова или синонимы. Это главы

«Выезд», «Госна», «Любани», «Валдаи», «Вышний Волочок», «Завидово» и «Пешки». Из этих глав «Госна», «Валдаи» и «Завидово» представляют собой сатирические зарисовки, «Любани», «Вышний Волочок» и «Пешки» освещают различные грани крестьянского вопроса. «Выезд» – с одной стороны, ясная, с другой – полная символов, сложная для толкования глава, в которой присутствуют библейские аллюзии (сон как пророческое видение, пустыня). Значение данной главы отмечала Е. Д. Кукушкина в статье «Библейские мотивы у А. Н. Радищева» [2000].

В остальных восемнадцати главах «Путешествия» автор часто использует эпитет «твердый» и синонимичные ему «незыблемый», «незыбкий», «непоколебимый», «упругий»; существительные «крепость», «твердость», «твердь»; наречие «твердо»; глаголы «утвердить», «отвердеть» и другие в различных сочетаниях. Частотность употребления, высокая концентрация таких слов в тех контекстах, где излагаются чрезвычайно важные для мировоззрения писателя положения, позволяют говорить о том, что в творчестве Радищева «твердость» является концептом. Всего в «Путешествии» выявлено 83 слова, относящихся к различным частям речи, входящих в семантический диапазон концепта «твердость». Распределение их по главам неравномерно: больше всего (24) их в главе «Крестьяны», чуть меньше (14) в главе «Торжок», 6 в главе «Тверь» и по 5 в главах «Зайцово» и «Спасская Полесь». В других главах встречается в среднем 2–3 употребления.

Концепт «твердость» в системе этических представлений Радищева неразрывно связан с образом «мужа тверда», что мы наблюдаем в тех главах «Путешествия», где слова со значением «твердость» употребляются чаще всего. Прежде всего, это глава «Крестьяны». Она представляет собой трактат о воспитании, причем о воспитании граждан, подобных по своим душевным и нравственным качествам жителям Древнего Рима, Афин или Спарты. Крестецкий дворянин говорит своим сыновьям: «Английский язык, а потом латинский старался я вам известнее сделать других. Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям, столь во всяких правлениях нужным» [Радищев, 1938. С. 289]. Идею о том, что личностные

качества проявляются в слове, в речи, Радищев высказал и в «Житии Федора Ушакова»: «Федор Васильевич отменно прилежал к Латинскому языку... Наиболее всего привлекала его... сила выражений. Исполненные духа вольности сии властители Царей упругость своей души изъявили в своем речении» [Радищев, 1941. С. 179]. Изучение языков, таким образом, имеет не только практический смысл, но и значимо как инструмент нравственного воспитания личности.

Одна из главных заповедей крестецкого дворянина своим сыновьям – быть добродетельным и готовым умереть за свои убеждения. «Но если бы закон или государь или бы какая-либо на земли власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков» [Радищев, 1938. С. 293]. В этом фрагменте слова, входящие в семантическое поле концепта «твердость», встречаются три раза, и поле расширяется за счет метафорического сравнения «незыблем в душе, яко камень среди бунтующих, но немощных валов».

В этом наставлении крестецкого дворянина отразились представления Радищева о героическом поведении. Описанная в данном отрывке ситуация, с одной стороны, является аллюзией на стоический идеал, а также на смерть Сократа, которого крестецкий дворянин приводит в пример сыновьям [Радищев, 1938. С. 293] и с которым Радищев сравнивает Ф. В. Ушакова [Там же. С. 155]. Образ Сократа в литературе конца XVIII в. – это образ, сочетающий в себе черты идеального философа и гражданина, человека, находящегося на вершине добродетели: Сократ «все трудности преодолел со премудростию истинного философа, с терпением святого, с бескорыстною добродетелью человеколюбца, со твердостью ироя, с потеряннем всех благ и веселий земных» [Мендельсон, 1777. С. 6]. Такое понимание добродетели, несомненно, было близко Радищеву.

С другой стороны, в наставлении крестецкого дворянина отражен и христиан-

ский идеал – стойкость перед лицом мучений, страдание за веру, за Христа (в этом случае, за Истину). Высокий стиль данного отрывка восходит к Нагорной проповеди («Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитесь яко мзда ваша многа на небесах: тако бо изгнаша пророки, иже (беша) прежде вас» [Библия, 1751. С. 500]), а также к стилистике псалмов.

Взгляд Радищева на становление личности также находит отражение в главе «Крестыцы» и связан с представлением о «твердости». Крестецкий дворянин говорит о том, что если в юности человек собьется с пути, исправление его еще возможно: «Если случится, что смерть пресечет дни мои прежде, нежели в благом пути отвердеете... то не отчаивайтесь, соглядая иногда превратное ваше шествие» [Радищев, 1938. С. 294]. Согласно авторским представлениям, вначале развиваются чувства, сердцем и душой молодой человек воспринимает мир («в душе своей более предуспеть мог, нежели в разуме» – говорит Радищев о рано умершем Ушакове [Там же. С. 156]). Ошибки и заблуждения молодости «скользят <...> на юном сердце, не проницая начальную его твердость» – эта идея высказывается Радищевым как в «Путешествии», так и в «Житии Федора Ушакова» [Там же. С. 155]. Затем, если человек на протяжении своей жизни развивает в себе положительные свойства, «упражняется в мягкосердии», разумом «устраивает собранные понятия в порядок» [Там же. С. 156, 399], придерживается «твердых правил», он «отвердевает в благом пути». О. М. Гончарова отмечала в своей монографии, что «превращение в «мужа тверда» – результат духовного воспитания и совершенствования человека», что крестецкий дворянин «произносит Слово: слово-проповедь, слово-поучение, откровенно ориентированное на учительную риторичку и призванное воздействовать на духовное становление “внутреннего человека”» [2004. С. 197–198].

В то же время крестецкий дворянин, переживающий расставание с детьми, как и подобает «мужу тверду», имеет чувствительное сердце: «Он обლობызал детей своих и, проводив их до повозки, пребыл тверд до последнего расставания. Но едва звон почтового колокольчика возвестил ему, что они

начали от него удаляться, упругая сия душа смягчилась» [Радищев, 1938. С. 296]. Образ сердца чрезвычайно важен в поэтике сентиментализма. Но у Радищева он имеет свои коннотации, необычные способы выражения, характеризующие его этические представления, и обнаруживает несомненную связь с концептом «твердость». Слова «прямой», «крепкий» используются как синонимы слова «твердый», выражающие те же самые свойства разума и души. «Крепкое сердце» – то же самое, что «твердое сердце».

Выражение «твердое сердце» впервые встречается в «Путешествии» в главе «Спасская Полесь» и, как и «твердый глас», является характеристикой посланца Истины. В аллегорическом сне Путешественника в словах Прямовзоры – Истины, обращенных к монарху, сердце как критерий истины связывается с концептом «твердость». «Если из среды народный возникнет муж, порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе... Но таковые твердые сердца бывают редки; едва един в целом столетии явится на светском ристалище» [Радищев, 1938. С. 253–254]. Примечательно, что выражение «твердое сердце», понятое как самохарактеристика, особенно задело императрицу Екатерину II, о чем свидетельствуют ее замечания на книгу Радищева [Бабкин, 1952. С. 157].

Глава «Зайцово» является не менее значимой для выявления героических черт «мужа тверда» и раскрытия образа сердца в связи с концептом «твердость». Ведущий персонаж этой главы, оратор и защитник крестьян на судебном процессе об убийстве асессора, Крестьянкин, характеризует себя в противостоянии остальным представителям суда. Судьи извещают наместника, представителя власти, о позиции Крестьянкина, оговаривают его. Ситуация преследования героя напоминает ту, о которой говорил своим детям крестецкий дворянин: «Несмысленные думали, что посмеяние их меня уязвит, что клевета поругает, что лживое представление доброго намерения от оного меня отвлечет! Сердце мое им было неизвестно. Не знали они, что нетрепетен всегда предстою собственному моему суду, что ланиты мои не рдели багровым румянцем совести» [Радищев, 1938. С. 276]. Чистое

сердце и спокойная совесть «мужа тверда» дают ему возможность видеть истину и право защищать ее, пренебрегая мнением людей нечестных, даже обладающих большей, чем он сам, силой и властью. Так, о праведниках в Псалтири говорится: «Господь крепость людям своим даст» (Пс. 28: 11).

Но даже «муж твердый», отстаивающий истину, может прийти в отчаяние, видя, что его аргументы не имеют силы, что его труд напрасен. В споре с наместником, представителем власти, призванным окончательно решить дело, «звонкое произношение» выдает волнение героя, но голос его по-прежнему «незыблем»: «Но наконец содрогшееся сердце, разлило свое избыточество. Незыблемым гласом и звонким произношением возопил я наконец сице...» [Там же. С. 278]. «Содрогшееся сердце» также свидетельствует о том, что душевное равновесие Крестьянкина поколеблено.

Речь персонажа отмечена высоким стилем, «незыблемый глас» перекликается с «твердым гласом» посланца Истины в главе «Спасская Полесь». Крестьянкин терпит поражение. Несправедливость по отношению к защитникам истины со стороны представителей власти также коррелирует с ситуацией, рассмотренной Радищевым в главе «Спасская Полесь». Прямовзора предупреждает царя: «Блудись, и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя...» [Там же. С. 253]. Другими словами, «муж твердый», как правило, высказывающий резкие суждения, критикующий власть, воспринимается ею как возмутитель общественного спокойствия. Он восстает против «мира и тишины», прославляемых в одической традиции [Бухаркин, 1996], за которыми скрывается общее неблагополучие.

В главе «Торжок» встречаем выражения, добавляющие в семантическое поле концепта новые коннотации и соединяющие его новыми ассоциациями с такими значимыми для Радищева понятиями, как Слово, Истина: словосочетания «твердые размышления», «мысль твердости», «твердое слово». «Кто возмущает словом (да назовем так в угодность власти все твердые размышления, на истине основанные, власти противные), есть такой же безумец, как и хулу глаголай на Бога. Буде власть шествует стезею, ей назначенной, то не возмутится от пустого звука клеветы, яко же господь сил не тревожится хулением. Но горе ей, если в жадно-

сти своей ломит правду. Тогда и едина мысль твердости ее тревожит, глагол истины ее сокрушит, деяние мужества ее развеет» [Там же. С. 334]. Мысль, слово и дело предстают в неразрывном единстве, и тому, кто первым осмелится высказать «мысль твердости», принадлежит роль инициатора дальнейших событий – восстановления царства справедливости. «Первый мах в творении всемогущ был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия. Вот как понимаю я действие великия души над душами современников или потомков; вот как понимаю действие разума над разумом» [Там же. С. 392]. Слово, «глагол истины», будучи божественным по своей сущности, способно преобразовывать действительность, и тот, кто решается взять на себя бремя и первым высказать его, совершает подвиг. «Недостойны разве признательности мужественныя писатели, возстающие на губительство и всемогущие, для того, что не могли избавить человечество из оков и пленения?» [Там же. С. 391]. Таким образом, Радищев расценивал опубликование «Путешествия» как исполнение гражданского долга: книга в целом и является таким манифестом «твердой мысли».

Большинство слов, относящихся к концепту «твердость», в главе «Тверь» содержится в отрывках из оды «Вольность», которую читает Путешественнику «новомодный стихотворец». Этот концепт приобретает здесь новые оттенки смысла, так как использован автором для негативных характеристик власти.

«Упругая власть при издыхании приставит стражу к слову (как к основному источнику опасности. – Е. К.) и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность...» [Там же. С. 361].

Но наступление царства истины неизбежно:

«Тогда всех сил сложение, тогда тяжелая
власть

Развеется в одно мгновенье...

Мрачная твердь позыбнулась,

и вольность возсияла»

[Там же. С. 362].

Поле значений концепта «твердость» расширяется за счет ряда негативных коннотаций с синонимическим рядом эпитетов, относящихся к власти: «упругий» («упругая власть»), «тяжелый» («тяжелая власть»);

метафор: «мрачная твердь», «окаменелые сердца». «Окаменелые сердца» – так названы в главе «Медное» люди, равнодушно смотрящие на то, как крестьянскую семью разлучают при продаже имения.

Эта метафора отражает представление Радищева о том, что «отвердеть» можно не только в добродетели, но и в пороке: «Сердце его уже камень; душа его покрылася алмазною корою. Не может благодетельное жало невинных добродетели положить на нем глубокие черты. Конец ее скользнет по поверхности гладко затверделого порока» [Там же. С. 309]. Здесь традиционная метафора «сердце – камень» получает дополнительные оттенки смысла через концепт «твердость». Негативная область значений концепта позволяет кратко, точно и выразительно охарактеризовать не только порочных людей, а также институт власти, поощряющий беззаконие и подавляющий «упругость духа вольности».

Вероятно, источником развернутой метафоры «в благом пути отвердеете» (гл. «Крестыцы») и ее негативных вариантов является Псалтирь. В псалмах Елизаветинской Библии 1751 г. издания мы встречаем подобные выражения. Певец обращается к Богу с просьбой наставить его на праведный путь: «Воздрема душа моя от уныния: утверди мя в словесех твоих» (Пс. 118: 28). О злодеях говорится: «Утвердиша себе слово лукавое» (Пс. 63: 6), т. е. «они утвердились в злом намерении» (современное издание Библии).

К Псалтири восходят и часто встречающиеся в тексте «Путешествия» сочетания «закон тверд», «союз тверд», «твердые основания правления». В Псалтири эпитет «твердый» относится к заповедям, которые в Ветхом Завете имеют силу закона и соответствующее значение. «Крепость дел своих возвести людям своим, дати им достояние язык. Дела рук его истина и суд, верны все заповеди его, утверждены в век века, сотворены во истине и правоте» (Пс. 110: 6 – 110: 9).

Выражение «муж твердый» встречается и у других писателей конца XVIII – начала XIX в., однако оно имеет характер шаблона или формулы, входящей в общую характеристику добродетельного человека. Концепт «твердость» у Радищева, напротив, имеет глубокую семантическую наполненность: за каждым выражением, относящимся к этому

концепту, стоит цепочка ассоциаций, из которых складывается авторская концепция героического начала в человеке.

Например, у Н. М. Карамзина в повести «Марфа Посадница» один из государственных деятелей характеризуется следующим образом: «То был воевода, князь Холмский, муж благоразумный и твердый... храбрый в битвах, велеречивый в совете» [Карамзин, 1961. С. 682]. Свойственная прозе Карамзина плавность слога практически растворяет этот эпитет, в отличие от произведений Радищева, где выражение «муж твердый» всегда стилистически маркировано.

Сам Карамзин в «Записках» Ф. Ф. Вигеля удостоен этого эпитета: «Трудно было заставить Александра отменить приговор; к счастью, два мужа твердых, благородных, им уважаемых, Каподистрия и Карамзин, дерзнули доказать ему всю жестокость наказания и умоливать о смягчении его»¹.

Декабрист А. О. Корнилович в письме к брату за 1832 г., рассуждая о Наполеоне, писал: «Наполеон на Елене хвалился твердостью, но эти оскорбительные выражения, которыми он честил друзей и недрузей, это грубое обращение с приближенными не суть ли признаки малодушия? Муж твердый борется с роком молча»².

Выражение «муж твердый» в текстах конца XVIII – начала XIX в. встречается в характеристиках известных политических или общественных деятелей и частных лиц. Так, князь И. М. Долгоруков в своей автобиографии описал характер отца: «Отец мой, сей муж твердый и великодушный, забывая все его оскорбления... плакал о нем, как о истинном благодетеле»³. В биографии «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина» (1786 г.) Д. И. Фонвизин создает образ, сопоставимый с образами «мужей твердых», в произведениях Радищева: «Нрав графа Панина достоин был искреннего почтения и непритворных любви. Твердость его доказывала величие души его. В делах, касающихся до блага государства, ни обещания, ни угрозы поколебать его были не в силах... Колико благ сия твердость даровала отечеству!» [Фонвизин, 1983. С. 227–228]. Как известно, на стиль этого произведения по-

¹ НКРЯ – Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru/>

² Там же.

³ Там же.

вливали традиции житийной литературы. «Фонвизин придает герою повествования черты христианского подвижника, подвергающегося гонениям, но при этом остающегося верным истине. Именно агиографическая топика делает образ Панина не только исторически значимым, но и нравственно совершенным...» [Растягаев, 2007. С. 260]. Приемы сакрализации светского персонажа, использованные Фонвизиным, в частности, высокий стиль биографии Панина, со сложными синтаксическими конструкциями и обилием церковнославянизмов, характерны и для творческой манеры Радищева при создании героического образа. Эти и другие примеры использования выражения «муж твердый» позволяют говорить о нем как об особой этикетной формуле, восходящей к поэтике Псалтири, усвоенной и использованной в произведениях эпохи классицизма.

Эпитет «твердый» в литературе сентиментализма имеет свои характерные черты. В небольшом очерке «Цветок на гроб моего Агатона» Н. М. Карамзина, написанном 28 марта 1789 г. и посвященном смерти А. А. Петрова, одного из переводчиков новиковского кружка и друга Карамзина, описан образ Агатона. Автор приписывает своему герою качество «твердости», противопоставляя его собственной чувствительности: «Часто, в меланхолических припадках... слезы лились из глаз моих; но он никогда не жаловался, никогда не вздыхал и не плакал; всегда утешал меня, но сам никогда не требовал утешения; я был чувствителен, как младенец; он был тверд, как муж» [Карамзин, 1892. С. 25]. Только расставаясь с автором, своим другом, провожая его в долгое путешествие, Агатон «пожертвовал на минуту своею твердостью и слезы показались из глаз его» [Там же].

В характеристике героини исторической повести Карамзина «Марфа-Посадница, или покорение Новагорода» автор часто использует эпитет «твердый»: «Марфа твердым голосом сказала пустынно...»; «с смелою твердостью председатель <...> в совете старейшин»; «одна Марфа тверда душою»; «укрепляясь в душе видом ее геройской твердости». Карамзин замечает, что «старинный автор сей повести» видел в Марфе «только *страстную* [курсив Карамзина. – Е. К.], пылкую, умную, а не великую и не добродетельную женщину» [Карамзин,

1961. С. 681, 696, 703, 710]. Заметим, что у Радищева вся положительная область значений концепта «твердость» непременно связана с представлением о добродетели.

Марфе Борецкой в повести присущи те качества, которые свойственны и радищевским «мужам твердым»: она прекрасный оратор, «умела овладеть народом», ею движет любовь к отечеству (Новгороду), она называет себя «защитницею вольности». Отдавая должное ее уму и лидерским качествам, Карамзин, тем не менее, иронически писал, что она «хотела (весьма некстати!) быть Катоном своей республики» [Карамзин, 1961. С. 681, 687]. В произведениях Радищева, в частности, в «Песни исторической» и «Путешествии», напротив, подчеркнута воспитательная роль этого образа, актуальность античных примеров героизма не ставится под сомнение: «В наследие вам оставляю слово умирающего Катона» [Радищев, 1938. С. 295] – так завершает свое слово к сыновьям крестецкий дворянин.

Эпитеты, словосочетания и целые фразы, раскрывающие семантическое наполнение концепта «твердость», встречаются практически во всех крупных произведениях А. Н. Радищева. Смежные значения составляют поле концепта, как он понимается в литературоведении, как «“общей идеи” некоего ряда явлений в понимании определенной эпохи» и одновременно «индивидуального представления» [Зусман, 2003]. Он имеет широкое семантическое поле, где можно выделить три основные области значений.

1. «Муж твердый» – идеал героического, обозначение человека праведного, добродетельного, готового отдать жизнь во имя истинных ценностей.

2. Твердое сердце, твердость, крепость духа, твердость души – понятия «сердце», «душа», «дух», связанные с «внутренним человеком», с духовными поисками автора. Наряду с «твердыми размышлениями», «твердым гласом», равным голосу истины, являются признаками «мужа тверда».

3. Твердость законов, установлений (твердость сердечного союза, твердое здание государства и пр.).

4. В самостоятельную область выделяются негативные значения концепта – «упругая власть», «окаменелые сердца» и пр.

В системе нравственных, этических установок А. Н. Радищева концепт «твердость»

занимает особое место, он связан с национальной христианской традицией, в частности, с поэтикой Псалтири. Он играет ключевую роль в трактовке героического начала и добродетели в произведениях писателя и позволяет выявить связь образа «мужа тверда» с представлениями А. Н. Радищева о своем гражданском долге и творчестве, о предназначении его книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

Список литературы

Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева / АН СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 358 с.

Бухаркин П. Е. Топос «тишины» в одической поэзии М. В. Ломоносова // XVIII век. Сб. 20. СПб.: Наука, 1996. С. 3–12.

Гончарова О. М. Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века: Моногр. СПб.: РХГИ, 2004.

Зусман В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания. Понятие и концепт // Вопр. литературы. 2003. № 2. С. 44–71.

Кукушкина Е. Д. Библейские мотивы у А. Н. Радищева // Русская литература. 2000. № 1. С. 119–123.

Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб.: Искусство–СПб, 1996. С. 254–265.

Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской ли-

тературе конца XVIII века // Лотман Ю. М. Собр. соч. М.: ОГИ, 2000. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. С. 7–44.

Растягаев А. В. Агиографическая традиция в русской литературе XVIII в. (Кантемир, Третьяковский, Фонвизин, Радищев): Моногр. Самара: Изд-во СГПУ, 2007. 410 с.

Список источников

Библия сиречь книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета. М.: Моск. тип., 1751.

Карамзин Н. М. Избранные сочинения. Часть первая. Повести. Разсуждения. Стихотворения. Издание И. Глазунова. С.-Петербург: Типография Глазунова, 1892.

Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. / Сост., подгот. текста и примеч. П. Беркова. М.; Л.: Худож. лит., 1961. Т. 1.

Мендельсон М. Житие и свойства Сократовы // Утренний свет, ежемесячное издание. СПб., 1777. Ч. 1. С. 1–44.

Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1952. Т. 1, 2.

Радищев А. Н. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. А. Западова. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1975. 268, [3] с.

Фонвизин Д. И. Избранное. Стихотворения. Комедии. Сатирическая проза и публицистика. Автобиографическая проза. Письма. М.: Сов. Россия, 1983.

Материал поступил в редколлегию 03.12.2010

Е. К. Kuznetsova

THE CONCEPT OF HEROISM IN A. N. RADISHEV'S WORKS

The article describes the view of heroism in A. N. Radishev's works, closely related to the meaning of the concept of «resolution». The connections between this concept and the poetics of the Psalter as well as the concept's significance in the writer's ethical system are analyzed.

Keywords: A. N. Radishev, concept, «the resolution», «the resolute man», heroic ideal.